

У ВОЙНЫ СВОЯ ОТЧЕТНОСТЬ

В конце декабря 25 лет назад Советский Союз ввел свои войска в Афганистан. Тема афганской войны, как тема любой войны, неисчерпаема. Каждый боец видит ее по-своему. Поэтому сколько человек прошли через огонь афганской войны, столько и мнений о ней. Полковник в отставке Иван Федораев, который командовал мотострелковым полком в Афганистане, видит ее так, как рассказывает.

- Иван Васильевич, я знаю, что вы добровольцем отправились в Афганистан. Почему?

- В те годы, а это была середина восьмидесятых, я командовал мотострелковым полком в Киевском военном округе. Служил в звании подполковника. И мне часто думалось: «А вдруг грянет большая война. Смогу ли я быть командиром полка в боевых условиях?» Вот это желание, желание испытать себя как профессионального военного в условиях реальной войны, и есть настоящая причина появления рапорта с просьбой направить меня в Афганистан.

- А много добровольцев вашего уровня было?

- На два вакантных места командиров полков в Афганистане рассматривалось около двадцати кандидатур. Мы, офицеры, приехавшие из войск, толпились в коридоре Главного управления кадров Министерства обороны. По очереди заходили в кабинет замминистра. Фамилии его сейчас не вспомню, помню только, что это был генерал-полковник, на груди у него висела Звезда Героя СССР. Так вот, подобно злого отборного мата, который доносился из-за дверей кабинета, мне, военному со стажем, никогда слышать не приходилось.

- И что же вызвало гнев генерала?

- А то, что почти каждый офицер объяснял, почему в данный момент его в Афганистан направлять никак нельзя. Один поступает в академию, у другого - сердце большое, у третьего - жена недомогает. Я едва переступил порог кабинета, генерал на меня уже набросился: «А у тебя какая болезнь?» «Никакой», - отвечаю. - Если бы чем-то болел, то проситься в Афганистан не стал бы». Генерал мое дело полистал, на рапорт наткнулся, сразу подобрел: «Молодец. Скоро поедешь. Вызова долго ждать не придется».

Месяца не прошло, как я улетел в Афган. Без всяких медкомиссий. Это случилось в конце июня 1985 года. Мне тогда шел тридцать восьмой год.

- Хороший возраст.

- Какой разговор. Сейчас бы те годы. Но речь не о том. Определили мне полк. Он дислоцировался в Кабуле, а сама 108-я дивизия, в которую входил полк, находилась достаточно далеко - в Баграме. Поэтому на операции мы обычно ходили совместно со 103-й воздушно-десантной дивизией, которой командовал будущий министр обороны России Павел Грачев. В составе своей дивизии из-за отдаленности воевать приходилось реже.

Получилось так, что на должности командира полка менять пришлось своего друга - подполковника Алексея Сумеркина. Обычно офицеров направляли в Афганистан на два года. Но Алексей прослужил всего год. Его сняли с должности по обвинению в сокрытии военных преступлений. Завели уголовное дело. Вид у парня - смотреть страшно. Вымотанный, истощенный: получил ранение, переболел какой-то местной болезнью. Мне в его виновность сразу не поверилось. Забегая вперед, должен сказать, что мои хо-

рошие предчувствия оправдались. Обвинение с него сняли, позже получил полковника, сделал неплохую карьеру.

- Выходит, был дым без огня?

- Не совсем. Действительно, кто-то из полка продавал военное обмундирование, оружие, боеприпасы, горючее. Лешке некогда было за этим следить: на боевые задания мотался часто, опять же - ранение, болезнь.

Я, как только принял полк, сразу же напряг особистов: «Ищите». Те вышли на солдата, который сказал, что слышал, есть покупатель оружия из офицеров, зовут его Макс. Мы прикинули, кто может быть Максом. По фамилии подходил один. Майор Максимов - заместитель командира танкового батальона по технической части. Он мне почему-то сразу, при первой встрече, когда я принимал полк, не понравился. Глаза сумасшедшие. Вроде бы спиртным не несет, а глаза как у пьяного. Может, наркоманил, не знаю. Начали за ним приглядывать - вышли на целую преступную группу. Несколько прапорщиков и солдат под командованием майора занимались воровством: оружия, боеприпасов и перепродажей их душманам.

- Как им это удавалось?

- У войны, знаете ли, своя отчетность. Там к сохранению имущества относятся попроще, чем в мирное время, не оно - главное, а жизнь человеческая. Пропал у солдата автомат. Не отдавать же мальчишку под суд. Он и так каждый день под смертью ходит. Автомат списывается как разбитый при артобстреле. Патроны же в вещмешках солдаты носили вообще без счета. Ополовинь тот мешок - хозяин не заметит. Как вам сейчас говорю, так и солдатам говорил, что если кто-то перед дембелем продаст бушлат, чтобы привезти матери заграничный подарок, пойму. Но за проданные «духам» патроны и авто-

✓ У меня было такое мнение: раз революция афганская, пусть афганцы сами ее и защищают. Поэтому вперед, если командовал операцией, посылал «зеленых», а уж следом, метров за двести от них, - своих солдат.

маты прощения не ждите. Так торговать - как по своим стрелять.

- Свой первый бой помните?

- Помню, хотя он не очень яркий. Мы в горах в районе ущелья Паншера несколько дней сидели. Я сразу сказал заместителю, что пусть командует, мне еще боевого опыта надо набираться. Кстати, для войны в Афганистане совершенно привычный ход. Там от солдата до генерала так, на чужом примере, учились.

Первый день идет к закату, 18 часов протикало, мой зам передает по радиации в штаб: «В ходе боев убито девять «духов», захвачено два автомата. Потерь нет». Тишина стояла удивительная, ни одного выстрела за день. Ничего не понимаю, но молчу.

Второй день идет на закат. Все повторяется точно, как в первый: абсолютная тишина... и убитые душманы, захваченное оружие.

**Афганистан, 1986 год.
Федораев (слева): «Без смешного в жизни ведь ничего не происходит».**

Тогда я спрашиваю, мол, где это бои шли и почему мне ничего о них не известно. «Знаешь», - отвечает зам, - так принято. О боевых успехах «наверх» не доложишь - начнут струнить: «Вы что, в горы на пикник выехали?».

«Все», - говорю, - Саша, твое командование кончилось. Фальшивых убитых больше не будет».

На третий день разгорелся бой. На одном хребте нашу роту зажали. А рельеф - хуже не бывает: ни артиллерией, ни авиацией не сможешь. Тогда я решил направить на ту гору еще одну роту в тыл душманам. Роте требовалось перейти ледник. Зам протестовал: «Это авантюра. Заморозишь людей». Я настоял на своем. Вывели парней из окружения.

- Ваш заместитель относился к числу перестраховщиков?

- Отнюдь, нормальный опытный офицер. Мне как новичку в тот раз удача улыбнулась. Позже на том же леднике какой-то солдат не из моего полка, из другого, погиб от переохлаждения и несколько обморозился.

- А какой бой был самый свирепый?

- Я уже прилично прослужил, с год, пожалуй, когда разведчики обнаружили крупную базу оружия. Перед операцией меня

мейский склад. А кроме боеприпасов на базе хранилось много других вещей: одежда, палатки, спальные мешки и тому подобное. Я пошел на некоторое нарушение инструкций. Переобул своих солдат в легкую трофейную армейскую обувь югославского производства, а советские громоздкие спальники на вате заменил импортными на пуху.

Так вот, база большая, людей на ней много, в плен они сдаваться не желали. Пошли на прорыв. Мы залегли, ведем ответный огонь. Журналист поднялся в полный рост и снимает себя. А пули вокруг фонтанчики пыли взбивают. Я к нему подполз, уложил.

После боя пьем чай, вспоминаем стрельбу. Журналисту рассказывают, как в полный рост перед душманами стоял. Тот послушал и говорит: «Я военные учения так снимаю. Забыл, что тут бой настоящий. Меня ведь убить могли». Побледнел. Первый и, наверное, последний раз я видел, как мужчина падал в обморок. Пришлось откачивать. Вскоре опять какая-то стрельба началась - журналист снова в открытую на выстрелы пошел. Вечером я его на «вертушке» от греха подальше отправил в штаб.

Видите, как странно порой получается, вспоминал самый тя-

не сможем». В общем, с едой у нас проблемы не возникло.

Появилась другая проблема. Мы готовились к операции. Нам, чтобы обезопасить машины от нападений, для охраны дороги требовалось пять батальонов «зеленых», то есть солдат национальной афганской армии. Местный же руководитель провинции Герат, что-то вроде нашего секретаря обкома, солдат не давал. Варенников и я сидим у него в кабинете. Портрет Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева стоит на столе. Небольшой штрих к собственному портрету: я худым никогда не был и с молодых лет лысоват. А Михаил Сергеевич тоже - не худой и лысоват. Афганец то на портрет Горбачева посмотрит, то на меня. Через некоторое время спрашивает: «А не родственник вы Горбачеву?». Я не удержался и соврал: «Да, племянник». Надо ли говорить, что «зеленых» для охраны дороги мы получили.

Возвращаемся с Варенниковым в полк на обед. Разговор с афганцами затянулся, мы приехали позже обусловленного срока. А задача, приготовить достойную генерала еду, была поставлена с утра. Заходим в столовую - там одни объедки. Оказалось, пока мы вели переговоры, в полк заехали два каких-то генерала. Зам по тылу, не разобравшись, кто есть кто, обед, приготовленный для Варенникова, скормил им. Поэтому Варенников отобедал простой солдатской кашей. И ничего, никаких упреков.

- Сейчас мы немного коснулись темы взаимоотношений «низов» и «верхов». Для вас, для командира полка, наверное, в горы несли специальную утепленную палатку или еще что-нибудь особое?

- Палатка была обычная, двухместная. Поначалу и ее не было. В горы я шел как простой боец. Та же форма, такой же вещмешок за плечами, такой же автомат на шее, ел то же самое, что и остальные. Меня от подчиненных отличало немного - солдат с рацией всегда рядом.

- А как планировались операции?

- Скрупулезно. У меня имелось два полигона. Один - в горах, другой - в «зеленке», то есть в зарослях вдоль аржеса. Недели за две до начала операции мы уже знали, где придется воевать. Расписывалось место каждого солдата. Дней 8-10 тренировались на соответствующем полигоне. С офицерами возможные варианты боя дополнительно разыгрывались на ящике с песком: здесь создавался план местности. Очень жаль, что наш опыт практически не использовался в Чечне, там вообще... Ладно, не будем об этом.

Мною, когда набрался опыта, были внесены некоторые изменения и в тактику прочесывания местности. Раньше впереди шли советские солдаты, а за ними - «зеленые», которые больше грабжом занимались, если прочесывался кишлак. У меня было такое мнение: раз революция афганская, пусть афганцы сами ее и защищают. Поэтому вперед, если командовал операцией, посылал «зеленых», а уж следом, метров за двести от них, - своих солдат. Смотрю, через какое-то время «зеленые» уже позади моих парней идут. Тогда своим командую: «Ложись», а «зеленых» опять вперед направляю. Потери в полку резко снизились.

- Как сложилась ваша жизнь после Афганистана?

- Обычно для российского военного. Служил на Украине. Неплохо поднимался по служебной лестнице. А когда понял, что распад Советского Союза неминуем, вернулся в Россию. Поменял Киев на Омск. Это мой дом, другого у меня нет.

- Спасибо за беседу.

Виктор Гоношилов